

Православная Пасха - сборник заданий для детей старшего школьного возраста

Пасхальная викторина:

1. Какой праздник отмечают православные христиане весной после Великого Поста?

- Пасху
- Масленицу
- Карнавал

2. Сколько дней празднуется православная Пасха?

- 1
- 2
- 4

3. На какие дни недели приходится православная Пасха?

- пятница и суббота
- суббота и воскресенье
- воскресенье и понедельник

4. Как называется неделя перед Пасхой и почему?

- Страстная неделя
- Святая неделя
- Масленичная неделя

5. Ветки каких растений нужно на Пасху освятить в церкви и поставить дома?

- елки
- березы
- вербы

6. Посмотрите внимательно на эти рисунки и фотографии. Какие предметы подсказывают нам, что эти открытки нужно дарить именно на Пасху?

www.univer.by/

www.liveinternet.ru/

24.ua/news/show/id/39043.htm

7. Как, при помощи каких слов поздравляют друг друга с Пасхой православные христиане?

- Добро пожаловать! Рад Вас видеть!
- Христос Воскресе! Воистину воскресе!
- Будьте здоровы, живите богато!

8. Как называются изделия из муки, которые пекут на Пасху?

- булочки
- пряники
- куличи

9. Как поступали с крашенными яйцами на православную Пасху наши предки?

- бросали их в воду в память об умерших
- клали их на могилы предков
- кормили ими животных

10. Что значит «катать яйца» (старинная русская забава)?

- перебрасывать их из руки в руку, пока не уронишь
- катать их по столу из стороны в сторону, пока не упадет
- катить свое яйцо навстречу чужому по специальному желобку и земле: чье разобьется, тот проиграл и должен отдать разбитое яйцо победителю

11. Почему такое значение придают Пасхальному колокольному звону на Руси?

- потому что до этого колокола молчали (Страстная неделя)
- потому что этот звон особенно музыкален и красив (используют специально отлитые колокола)
- потому что в колокола звонят знаменитые музыканты

12. Какие животные в православных государствах ассоциируются с праздником Пасхи?

- петух
- заяц
- осел

Кому принадлежат эти строчки? Выучи их наизусть и прочитай родителям на праздник Святой Пасхи!

Вербочки

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.

Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!

В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

1-10 февраля 1906

Ответ

Какие странные слова
Принес мне тихий день апреля.
Ты знал, во мне еще жива
Страстная страшная неделя.

Я не слыхала звонов тех,
Что плавали в глазури чистой.
Семь дней звучал то медный смех,
То плач струился серебристый.

А я, закрыв лицо мое,
Как перед вечною разлукой,
Лежала и ждала ее,
Еще не названную мукой.

1914. Царское Село

Вербы

Вербы овьяны
Ветром нагретым,
Нежно взлелеяны
Утренним светом.

Ветви пасхальные,
Нежно печальные,
Смотрят веселыми,
Шепчутся с пчелами.

Кладбище мирное
Млеет цветами,
Пение клирное
Льется волнами.

Светло-печальные
Песни пасхальные,
Сердцем взлелеяны,
Вечным овьяны.

Пасхальный благовест

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.
Скрылась за рекою
Бледная луна,
Звонко побежала
Резвая волна.
Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.
Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

Земля и солнце,
Поля и лес -
Все славят Бога:
Христос воскрес!

В улыбке синих
Живых небес
Все та же радость:
Христос воскрес!

Вражда исчезла,
И страх исчез.
Нет больше злобы -
Христос воскрес!

Как дивны звуки
Святых словес,
В которых слышно:
Христос воскрес!

Земля и солнце,
Поля и лес -
Все славят Бога:
Христос воскрес!

Авторы:

*Лидия Чарская
Александр Блок
Анна Ахматова
Сергей Есенин
Константин Бальмонт*

Прочитай рассказ Антона Павловича Чехова и ответь на вопрос: Почему так неожиданно меняется отношение мальчика к окружающим его людям?

На Страстной Неделе

- Иди, уже звонят. Да смотри не шали в церкви, а то Бог накажет.

Мать сует мне на расходы несколько медных монет и тотчас же, забыв про меня, бежит с остывшим утюгом в кухню. Я отлично знаю, что после исповеди мне не дадут ни есть, ни пить, а потому, прежде чем выйти из дому, насильно съедаю краюху белого хлеба, выпиваю два стакана воды. На улице совсем весна. Мостовые покрыты бурым месивом, на котором уже начинают обозначаться будущие тропинки; крыши и тротуары сухи; под заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нежная, молодая зелень. В канавах, весело журча и пенясь, бежит грязная вода, в которой не брезгают купаться солнечные лучи. Щепочки, соломинки, скорлупа подсолнухов быстро несутся по воде, кружатся и цепляются за грязную пену. Куда, куда плывут эти щепочки? Очень возможно, что из канавы попадут они в реку, из реки в море, из моря в океан... Я хочу вообразить себе этот длинный, страшный путь, но моя фантазия обрывается, не дойдя до моря.

Проезжает извозчик. Он чмокает, дергает вожжи и не видит, что на задке его пролетки повисли два уличных мальчика. Я хочу присоединиться к ним, но вспоминаю про исповедь, и мальчишки начинают казаться мне величайшими грешниками.

"На Страшном суде их спросят: зачем вы шалили и обманывали бедного извозчика? - думаю я. - Они начнут оправдываться, но нечистые духи схватят их и потащат в огонь вечный. Но если они будут слушаться родителей и подавать нищим по копейке или по бублику, то бог сжалятся над ними и пустит их в рай".

Церковная паперть суха и залита солнечным светом. На ней ни души. Нерешительно я открываю дверь и вхожу в церковь. Тут в сумерках, которые кажутся мне густыми и мрачными, как никогда, мною овладевает сознание греховности и ничтожества. Прежде всего бросаются в глаза большое распятие и по сторонам его божия мать и Иоанн Богослов. Паникадила и ставники одеты в черные, траурные чехлы, лампадки мерцают тускло и робко, а солнце как будто умышленно минует церковные окна. Богородица и любимый ученик Иисуса Христа, изображенные в профиль, молча глядят на невыносимые страдания и не замечают моего присутствия; я чувствую, что для них я чужой, лишний, незаметный, что не могу помочь им ни словом, ни делом, что я отвратительный, бесчестный мальчишка, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всех людей, каких только я знаю, и все они представляются мне мелкими, глупыми, злыми и неспособными хотя бы на одну каплю уменьшить то

страшное горе, которое я теперь вижу; церковные сумерки делаются гуще и мрачнее, и божия мать с Иоанном Богословом кажутся мне одинокими.

За свечным шкафом стоит Прокофий Игнатьич, старый отставной солдат, помощник церковного старосты. Подняв брови и поглаживая бороду, он объясняет полусшепотом какой-то старухе:

- Утренняя будет сегодня с вечера, сейчас же после вечерни. А завтра к часам ударят в восьмом часу. Поняла? В восьмом.

А между двух широких колонн направо, там, где начинается придел Варвары Великомученицы, возле ширмы, ожидая очереди, стоят исповедники... Тут же и Митька, оборванный, некрасиво остриженный мальчик с оттопыренными ушами и маленькими, очень злыми глазами. Это сын вдовы поденщицы Настасьи, забияка, разбойник, хватающий с лотков у торговки яблоки и не раз отнимавший у меня бабки. Он сердито оглядывает меня и, мне кажется, злорадствует, что не я, а он первый пойдет за ширму. Во мне закипает злоба, я стараюсь не глядеть на него и в глубине души досаую на то, что этому мальчишке простятся сейчас грехи.

Впереди него стоит роскошно одетая красивая дама в шляпке с белым пером. Она заметно волнуется, напряженно ждет, и одна щека у нее от волнения лихорадочно зарумянилась. Жду я пять минут, десять... Из-за ширм выходит прилично одетый молодой человек с длинной, тощей шеей и в высоких резиновых калошах; начинаю мечтать о том, как я вырасту большой и как куплю себе такие же калоши, непременно куплю! Дама вздрагивает и идет за ширмы. Ее очередь.

В шелку между двумя половинками ширмы видно, как дама подходит к аналою и делает земной поклон, затем поднимается и, не глядя на священника, в ожидании поникает головой. Священник стоит спиной к ширмам, а потому я вижу только его седые кудрявые волосы, цепочку от наперсного креста и широкую спину. А лица не видно. Вздохнув и не глядя на даму, он начинает говорить быстро, покачивая головой, то возвышая, то понижая свой шепот. Дама слушает покорно, как виноватая, коротко отвечает и глядит в землю.

"Чем она грешна? - думаю я, благоговейно посматривая на ее кроткое красивое лицо. - Боже, прости ей грехи! Пошли ей счастье!"

Но вот священник покрывает ее голову епитрахилью.

- И аз, недостойной иерей... - слышится его голос... - властью его, мне данною, прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих...

Дама делает земной поклон, целует крест и идет назад. Уже обе щеки ее румяны, но лицо спокойно, ясно, весело.

"Она теперь счастлива, - думаю я, глядя то на нее, то на священника, простившего ей грехи. - Но как должен быть счастлив человек, которому дано право прощать".
Теперь очередь Митьки, но во мне вдруг вскипает чувство ненависти к этому разбойнику, я хочу пройти за ширму раньше его, я хочу быть первым...
Заметив мое движение, он бьет меня свечой по голове, я отвечаю ему тем же, и полминуты слышится пыхтение и такие звуки, как будто кто-то ломает свечи... Нас разнимают. Мой враг робко подходит к аналою, не сгибая колен, кланяется в землю, но, что дальше, я не вижу; от мысли, что сейчас после Митьки будет моя очередь, в глазах у меня начинают мешаться и расплываться предметы; оттопыренные уши Митьки растут и сливаются с темным затылком, священник колеблется, пол кажется волнистым...

Раздается голос священника:
- И аз, недостойный иерей...

Теперь уж и я двигаюсь за ширмы. Под ногами ничего не чувствую, точно иду по воздуху... Подхожу к аналою, который выше меня. На мгновение у меня в глазах мелькает равнодушное, утомленное лицо священника, но дальше я вижу только его рукав с голубой подкладкой, крест и край аналая. Я чувствую близкое соседство священника, запах его рясы, слышу строгий голос, и моя щека, обращенная к нему, начинает гореть... Многого от волнения я не слышу, но на вопросы отвечаю искренне, не своим, каким-то странным голосом, вспоминаю одиноких богородицу и Иоанна Богослова, распятие, свою мать, и мне хочется плакать, просить прощения.

- Тебя как зовут? - спрашивает священник, покрывая мою голову мягкой епитрахилью. Как теперь легко, как радостно на душе! Грехов уже нет, я свят, я имею право идти в рай! Мне кажется, что от меня уже пахнет так же, как от рясы, я иду из-за ширм к дьякону записываться и нюхаю свои рукава. Церковные сумерки уже не кажутся мне мрачными, и на Митьку я гляжу равнодушно, без злобы.

- Как тебя зовут? - спрашивает дьякон.

- Федя.

- А по отчеству?

- Не знаю.

- Как зовут твоего папашу?

- Иван Петрович.

- Фамилия?

Я молчу.

- Сколько тебе лет?

- Девятый год.

Придя домой, я, чтобы не видеть, как ужинают, поскорее ложусь в постель и, закрывши глаза, мечтаю о том, как хорошо было бы претерпеть мучения от какого-нибудь Ирода или Диоскора, жить в пустыне и, подобно старцу Серафиму, кормить медведей, жить в келии и питаться одной просфорой, раздать имущество бедным, идти в Киев. Мне

слышно, как в столовой накрывают на стол - это собираются ужинать; будут есть винегрет, пирожки с капустой и жареного судака. Как мне хочется есть! Я согласен терпеть всякие мучения, жить в пустыне без матери, кормить медведей из собственных рук, но только сначала съесть бы хоть один пирожок с капустой!

- Боже, очисти меня грешного, - молюсь я, укрываясь с головой. - Ангел-хранитель, защити меня от нечистого духа.

На другой день, в четверг, я просыпаюсь с душой ясной и чистой, как хороший весенний день. В церковь я иду весело, смело, чувствуя, что я причастник, что на мне роскошная и дорогая рубаха, сшитая из шелкового платья, оставшегося после бабушки. В церкви все дышит радостью, счастьем и весной; лица богородицы и Иоанна Богослова не так печальны, как вчера, лица причастников озарены надеждой, и, кажется, все прошлое предано забвению, все прощено. Митька тоже причесан и одет по-праздничному. Я весело гляжу на его оттопыренные уши и, чтобы показать, что я против него ничего не имею, говорю ему:

- Ты сегодня красивый, и если бы у тебя не торчали волосы и если б ты не был так бедно одет, то все бы подумали, что твоя мать не прачка, а благородная. Приходи ко мне на пасху, будем в бабки играть.

Митька недоверчиво глядит на меня и грозит мне под полую кулаком.

А вчерашняя дама кажется мне прекрасной. На ней светло-голубое платье и большая сверкающая брошь в виде подковы. Я люблю её и думаю, что когда я вырасту большой, то непременно женюсь на такой женщине, но, вспомнив, что жениться - стыдно, я перестаю об этом думать и иду на клирос, где дьячок уже читает часы.